UDC 821.161.1.09:398 Sirjakov I. I. UDC 81'255.4

Борис Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва nevmenandr@gmail.com

ПЕРЕВОД «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» Н. И. ЯЗВИЦКОГО: ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

В статье обсуждается один из самых ранних переводов «Слова о полку Игореве», выполненный Н. И. Язвицким. На основе многочисленных текстуальных совпадений показано, что Язвицкий при работе над собственным переводом активно пользовался малоизвестным стихотворным переводом И. И. Сирякова, позволяя себе многочисленные заимствования (согласно распространенному в исследовательской традиции мнению, главным источником работы Язвицкого считается прозаический перевод А. С. Шишкова). В конце продемонстрировано, что, несмотря на значительное число заимствований, в анализируемом переводе обнаруживаются и оригинальные авторские фрагменты.

 $\mathit{Ключевые}$ слова: «Слово о полку Игореве», Н. И. Язвицкий, И. И. Сиряков, А. С. Шишков, перевод.

The article discusses one of the earliest translations of *The Lay of Igor's Campaign*, which was carried out by Nikolay Yazvitsky. On the basis of numerous textual confluences, it is shown that in his own translation work Yazvitsky actively used a little-known verse translation by Ivan Siryakov, allowing himself numerous borrowings. This runs counter to the prevailing opinion in the research tradition, which holds that the main source of Yazvitsky's work is a prose translation by Alexander Shishkov. Finally, it is shown that, despite a significant number of borrowings, there are also original fragments found in the analyzed translation.

Key words: The Lay of Igor's Campaign, Nikolay Yazvitsky, Ivan Siryakov, Alexander Shishkov, translation.

^{*} Если бы не И. А. Пильщиков, эта статья никогда бы не была написана. Уже больше 10 лет назад, 1 июня 2006 года, Игорь Алексеевич вместе с К. В. Вигурским объясняли моему другу Е. В. Шаульскому, почему «Параллельный корпус переводов "Слова о полку Игореве"» не может быть создан. Корпус появился в сети уже 3 февраля 2007 года (http://nevmenandr.net/slovo; дата обращения: 30.06.2017) в некотором смысле как ответ на прозвучавшие тогда скептические реплики. Сейчас я пишу эту статью, пользуясь корпусом как необходимым подспорьем. У меня нет другого выхода, кроме как посвятить свой текст юбиляру.

Опубликованный в 1812 году перевод «Слова о полку Игореве», выполненный Н. И. Язвицким (1812; далее – $\mathcal{H}$), стал пятым переводом и третьим стихотворным переводом знаменитого древнерусского памятника на современный русский язык. До него из печати выходили: 1) прозаический перевод, сопровождавший первое издание памятника (ΠU); 2) прозаический перевод А. С. Шишкова (1805; далее – Π); 3) стихотворный перевод И. Сирякова (1803; далее – Π).

Несмотря на то что $\mathcal A$ относится к своего рода «мифологическому первовремени» «Слова о полку Игореве» (он сделан еще до гибели рукописи¹), внимания читателей и исследователей он получил немного, занимая положение вторичного и стилистически слабого опыта. Так, например, Ф. Я. Прийма (1980: 117) походя характеризует его как «весьма посредственный».

Генетически работа Язвицкого возводилась к Ш: «В переложении Я<звицкий> основывается на переводе С<лова о полку Игореве, сделанном А. С. Шишковым, воспроизводя даже его доп <олнения к тексту. не имеющие соответствия в оригинале» (Савельева 1995: 276). И еще раньше М. Г. Альтшуллером было высказано аналогичное мнение, на котором, возможно, основывается и идея, прозвучавшая в предыдущей цитате: «После Палицына перевод Шишкова использовал для поэтического переложения памятника Н. Язвицкий <...>. Язвицкий сохраняет в переводе вставки Шишкова, правда, не так раболепно следуя за прозаическим текстом, как Палицын» (Альтшуллер 1971: 119). На указанную особенность накладываются биографические обстоятельства: Шишков возглавлял «Беседу любителей русского слова» в 1811–1816 годах, то есть в тот период, когда был опубликован $\mathcal{A}$, причем опубликован он был именно в «Чтении в Беседе...» – печатном органе литературного общества архаистов. Если к этому присоединить ту комплиментарность, с которой Язвицкий говорит о Шишкове в предисловии к своей публикации², предположить зависимость $\mathcal{A}$ от $\mathcal{U}$ будет абсолютно естественно³.

В предисловии к публикации Язвицкий, кроме III, упоминает также еще два из четырех существующих переводов: «[Мусин-Пушкин] отъискалъ, перевелъ и издалъ пѣснъ сію; <...> г-нъ Палицынъ, возпользовавшись замѣчаніями и переводами гр. Мусина-Пушкина и А. С. Шишкова, пере-

¹ Цензурное разрешение на шестую книгу «Чтения в беседе...» было выдано 11 марта 1812 года, а рукопись была утрачена в сентябре того же года.

² «[Шишков] съ особеннымъ вниманіемъ раскрылъ ея смыслъ, сдълалъ собственныя замѣчанія и показалъ соотечественникамъ своимъ лучшія мъста и стихотворческія красоты ея». Далее Шишков подразумевается в числе словесников, имеющих «несравненно болѣе моего и опыта, и вкуса, и познаній» (Язвицкий 1812: 32, 33).

³ Правда, наряду с этим существует мнение о большом влиянии, которое оказал на Я Карамзин и его школа (Прийма 1980: 214). При этом Карамзин воспринимается как противоположный Шишкову полюс историко-литературной ситуации того времени. Я не склонен видеть в этом противоречия, усматривая скорее естественную сложноформализуемую внесхемность литературного процесса.

ложилъ пѣснь сію въ шестистопные ямбическіе стихи». Таким образом, Язвицкий, делая обзор работ предшественников, умалчивает о C (и только о нем), и остается непонятным, был ли он знаком с этим текстом.

Кроме обзора предшественников Язвицкий говорит о мотивах, подтолкнувших его к созданию перевода: «...Одна токмо любовь ко всему Славено-Рускому, собственное мое удовольствіе, пламенныя чувствія, заключающіяся въ пѣсни сей воодушевили меня, и принудили какъ бы забыть недостатокъ силъ моихъ». Это заявление обычно трактуется в патриотическом ключе: «..."Пламенные чувствия" и подчеркнуты в переложении Я<звицкого>, оно проникнуто оптимизмом, богатырским духом и заканчивается прославлением героев С<лова о полку Игореве>» (Савельева 1995: 276). В том же смысле, по всей видимости, следует воспринимать и посвящение $\mathcal A$ генералу от инфантерии Николаю Михайловичу Каменскому (1776–1811), прошедшему суворовскую школу и отличившемуся в турецкой кампании 1810–1811 годов (ему посвящены стихи в другой книге Язвицкого — «Оды похвальныя»).

Язвицкий «переложилъ пѣснь сію Рускими дактило-хореическими, древними нашими стихами», то есть четырехстопным хореем с дактилическим окончанием. Альтшуллер упоминает, что этот размер был выбран до Язвицкого Сиряковым, но представляет этот факт как ординарный. Но все же не следует забывать, что до $\mathcal A$ переводов «Слова о полку Игореве» было не так много, а стихотворных и вовсе было только два; поэтому, встраиваясь в традицию, Язвицкий имел возможность выбора исключительно между $\mathcal I$ и $\mathcal C$ (если последний вообще был ему знаком). $\mathcal I$ выполнен александрийским стихом, так что $\mathbf X$ 4д в контексте переводов «Слова...» указывает на значимую связь $\mathcal A$ и $\mathcal C$ (типологическую или генетическую — отдельный вопрос).

В Поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка⁴ находится всего 15 текстов в соответствующем размере, написанных до появления Я. Большинство из них так или иначе эксплуатируют стилистику национально-фольклорного ореола (Н. Ф. Остолопов, «Бедная Дуня», 1802) или тематику военных подвигов (А. П. Сумароков, «О ты, крепкий, крепкий Бендер-град...», 1770; Г. П. Каменев, «Граф Глейхен», 1802; Н. И. Гнедич, «Последняя песнь Оссиана», 1804), хотя в 1800-х годах, уже после С, обнаруживаются опыты использования Х4д в жанре послания (И. П. Пнин, «Послание к некоторым писателям», 1805; К. Н. Батюшков, «К Филисе: Подражание Грессету», 1804–1805).

Таким образом, существует вероятность независимого от C выбора Язвицким для своего перевода X4д как размера, подходящего стилистически и тематически. Но приблизиться к точному ответу на вопрос, какой из переводов оказал на $\mathcal A$ решающее влияние, может помочь только внимательное текстуальное сопоставление переводов между собой.

⁴ ruscorpora.ru/search-poetic.html (дата обращения: 30.06.2017).

Вопреки процитированным суждениям, отраженным в статье Альтшуллера и «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"», такое сопоставление демонстрирует подавляющее число случаев совпадений $\mathcal{A}$ и C при минимуме значимых пересечений между $\mathcal{A}$ и W. Из 218 фрагментов 74 обнаруживают повторение Язвицким тех или иных переводческих решений (отбор слов или конструкций) вслед за Сиряковым. Однако не все эти схождения равнозначны. Некоторые общности могут быть объяснены не влиянием одного текста на другой, а выбранной метрической схемой. Так, в C читаем: «Тутъ взглянулъ на солнце красное» [8]; при этом в $\mathcal{A}$: «Князь воззрѣлъ на солнце свѣтлое». Не все обнаруженные схождения обладают такой слабой доказательной силой. Например, строка «Сабли блещущи изотренны» [24] в $\mathcal{A}$ явным образом взята из C (где она отличается одной буквой: «Сабли блещущи изострены»), так как эпитет «блещущи» не мотивирован ни оригинальным текстом, ни каким-либо из прочих переводов «Слова...».

Кажется, такие случаи, когда $\mathcal H$ похож на $\mathcal C$ и только на него, наиболее показательны. Однако нельзя не признать, что среди обнаруженных схождений между переводами доминирует другая ситуация: текст в $\mathcal H$ одновременно сходен с $\mathcal C$ и с $\mathcal H$. То есть можно было бы предположить, что у $\mathcal H$ и $\mathcal C$ был очевидный общий источник.

Вот несколько примеров.

Уже в [1] древнерусское «старыми словесы» и в C, и в $\mathcal{A}$ передано одинаково: «слогомъ древности». Сам оборот происходит из «богатырской сказки» Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1794), очевидно, созданной под влиянием еще не опубликованного «Слова...»: «Я намерен слогом древности / рассказать теперь одну из них / вам, любезные читатели». Любопытно, как у Карамзина в этом тексте связываются вместе фольклорно ориентированные формулы («Нам другие сказки надобны...», «Парнас гора высокая...») и ученая («Не желаю в мифологии...») или сентименталистская стилистика («любезные читатели»). «Илья Муромец» наверняка был известен и Сирякову, и Язвицкому, но в ΠU перевод этого места отличается минимально и тоже мог послужить источником для C и $\mathcal{R}$: «начать древним слогом...».

В [29] в ΠU , C и $\mathcal H$ появляется отсутствующий в оригинале «филин»: «кричит филин на вершине дерева» (ΠU), «Филинъ на вершинѣ древъ кричитъ» (C), «U, увы! зловѣщій филинъ сей» (U). В U этот фрагмент отсутствует. В [49] U вводит отсутствующее в оригинале языковое сравнение «пыль столбом», которое отражается и в U: «U0 въ полѣ пыль столбомъ подъемлется», и в U0: «U1 в обнаруживаются сразу две идентичные строки: «U2 сего ли ожидалъ отъ васъ / U3 при сребристой сѣдинѣ моей». В то же время аналогично это

⁵ Текст «Слова о полку Игореве» рассматривается разделенным на 218 фрагментов в соответствии с членением, предпринятым в издании Р. О. Якобсона (Grégoire et al. 1948). Далее номер фрагмента дается в тексте в квадратных скобках.

место выглядит и в ΠU : «Сего ли я ожидал от вас при сребристой седине моей!» При этом U сильно отличается: «Что сотворили вы сребряной сѣдинѣ моей?»

Обилие таких эпизодов позволяет постулировать как минимум сильное влияние ΠU на C, но можем ли мы говорить о генетической связи C и $\mathcal{A}$?

Внимательное обследование переводов с однозначностью свидетельствует, что да: в C и $\mathcal A$ достаточно схождений, которые не обнаруживаются больше ни в одном из переводов. Рассмотрим подробнее наиболее эффектные случаи.

- В [3] C и $\mathcal{A}$ мы находим идентичную строку «Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ», в ней особенно замечательно появление глагола «бежать», которого нет больше ни в одном из переводов (разумеется, нет его и в оригинале).
- В [5] и в C, и в $\mathcal{A}$ обнаруживается не мотивированный оригиналом эпитет «подсолнечный», отсутствующий в остальных переводах. C: «Разглашали по подсолнечной»; $\mathcal{A}$: «И онъ въ странахъ подсолнечныхъ».

В уже цитированном [24] в C читаем: «Луки крѣпкїе натянуты»; в $\mathcal{H}$: «Крѣпко луки ихъ натянуты». В то же время идея крепости луков отсутствует и в оригинале, и в остальных переводах. Так, в U говорится просто: «луки у нихъ напряжены».

- В [39] в C: «Чисто сребреное деревко», в $\mathcal{A}$ слова переставлены: «Древко сребряное, чистое», однако переводчика выдает отсутствующий в оригинале и других переводах эпитет древка «чистый».
- В [41] в C и $\mathcal{A}$ находится идентичная строка: «Ни отъ дерзостныхъ кохтей твоихъ». Никакого эксплицитного указания на «дерзостные когти» нет ни в оригинале, ни в остальных переводах.
- В [45] в C и $\mathcal A$ появляется отсутствующее во всех остальных рассматриваемых текстах слово «воскип вшаго».
- В [87] в C читаем: «Раззоряли землю русскую»; не мотивированное оригиналом и другими переводами слово «разорять» всплывает в $\mathcal{H}$: «Разоряють землю Рускую». В $\mathcal{U}$ этот момент передан лексически иначе: «нападають, рыщуть, грабять Рускую землю».
- В [93] в $\hat{C}$ и $\mathcal{A}$ две строки очень похожи, хотя и не идентичны: «Святославужъ худо грѣзилось; / Онъ боярамъ такъ разсказывалъ» (C) и «Святославу худо грезилось; / Такъ боярамъ онъ разсказывалъ» ($\mathcal{A}$). «Худо» больше не «грезится» князю ни в одном из переводов. В $\Pi \mathcal{U}$ это место передано так: «Святославу же худой сон привиделся».
- В [123] в $\mathcal{A}$ появляется эпитет Кончака «злобный»: «Застрѣли Кончака злобнаго». Однако до $\mathcal{A}$ так называли Кончака только в $\mathcal{C}$: «Въ Кончака, въ Кощїя злобнаго». В $\mathcal{U}$ И и $\mathcal{U}$ И Кончак характеризуется как «неверный» и «нечестивый» соответственно.
- В [140] как в C, так и в $\mathcal{A}$ победы приобретают эпитет «гремящие», отсутствующий в остальных переводах. Правда, сама по себе характеристика побед «гремящи» в целом известна русской поэзии XVIII века и могла бы возникнуть в двух переводах независимо, если бы, конечно,

не все остальные свидетельства в пользу ориентации Язвицкого на текст Сирякова.

В [165] только в C и в $\mathcal{A}$ киевские горы называются «утесами»: «Приковать къ утесамъ Кіевскимъ?» (C); «Приковать къ утесамъ Кіевскимъ?» ($\mathcal{A}$).

В [170] эпитет «быстрый» по отношению к реке Каяле возникает только в C и в $\mathcal{H}$: «Во струѣ Каялы быстрыя» (C); «Во струяъ Каялы быстрыя» ($\mathcal{H}$). Опять-таки «быстрый» как эпитет реки — традиционное народно-поэтическое определение, которое могло бы появиться у двух переводчиков независимо, однако общее число схождений в C и $\mathcal{H}$ заставляет сомневаться в таком сценарии.

Напомним, что в статье Альтшуллера (1971: 119) упомянуты «вставки Шишкова», не имеющие соответствия в оригинале. К ним отнесены [100]. [101] и [102]: «Тогда бояре, прервавъ молчаніе, рекли Князю: долго мы таили, долго, храня драгоцънное для насъ маститой старости твоей спокойствіе, скрывали отъ тебя общія напасти. Но бъдствіе наше, превосходить мъру, и не можемь долъе оставлять тебя въ невъденіи. Познай Государь!» (Ш); «Тутъ рекли бояра Князю ихъ: / Грусть давно тягчитъ умы у насъ / Князь! познай кручину общую: / Два слетъли ясны сокола / Съ твоего престола отческа / Доставать Тмутаракань себъ» (Я). Действительно, это место очень похоже в двух переводах, материальным выражением этого сходства служат слова, содержащие идею того, что грустные известия скрывались боярами от князя уже давно: «долго мы таили» и «Грусть давно тягчить умы у насъ». Однако не случайно, что цитата из $\mathcal{A}$ оборвана и последние две строки в статье Альтшуллера не приведены. Дело в том, что они гораздо более сходны с соответствующими строками в C: «Что слетели вдруг два сокола / Со престола златомъ блещуща / Доставать Тьмутараканъ городъ».

В обоснование зависимости $\mathcal{A}$ от $\mathcal{U}$ Альтшуллер приводит также фрагмент [200], в котором Язвицкий при трактовке трудного места принимает сторону Шишкова. Тут нужно заметить, что в финале «Слова...» действительно появляются 4 фрагмента ([201], [206], [211], [216]), в которых $\mathcal{A}$ восходит к $\mathcal{U}$ и не повторяет при этом другие переводы (в том числе и $\mathcal{C}$). По всей видимости, эта тенденция носит локальный характер и касается только последних 17 фрагментов текста.

В [201] в $U\!U$: «и тишина царствуютъ въ природѣ», в $\mathcal{H}$: «Тишина повсюду царствуетъ». Больше «тишина» не «царствует» ни в одном переводе.

В [206] в $U\!\!U$: «упустивъ изъ рукъ сокола», в $A\!\!P$: «Упустивши сокола изъ рукъ…». Глагол «упустить» автором «Слова…» и другими переводчиками не используется.

В [211] в III: «Игорь возвратился: съ нимъ возвратились бодрость и мужество», в $\mathcal{H}$ повторены «бодрость и мужество»: «Бодрость, мужество, веселіе / Съ Княземъ вмѣстѣ возвратилися». Аналогично к III восходит и II: «Имъ бодрость, мужество, надежды, возвращаетъ».

В [216] в $\dot{\it Ш}$: «Воспъта слава Игорю Святославичу». Глагол «воспеть» есть только здесь и в $\it H$: «Пъснь была воспъта Игорю».

Однако такие места, где $\mathcal A$ явно восходит к $\mathcal U$ и не может при этом восходить к другим переводам, единичны. В то время как число пересечений $\mathcal A$ и C исчисляется десятками.

Оба перевода (Я и Ш) неполны⁶, но множества выпущенных в них текстуальных фрагментов пересекаются слабо. Шишков отказывается от перевода фрагментов [12], [17], [31–41], [59–64], [143], [160]. Язвицкий пропускает фрагменты [2], [4], [14], [17], [57–67], [76], [79–80], [88–91], [103–110], [116–118], [123–126], [135–139], [143–149], [153–156], [159–161], [167], [191], [194], [197–199]. Таким образом, оба переводчика оставляют без перевода только фрагменты [17], [59–64], [143] и [160], а в остальном их решения выглядят независимыми друг от друга. По меньшей мере очевидно, что Язвицкий сокращал свой текст, руководствуясь собственными соображениями: он исправно перевел большой эпизод, располагающийся во фрагментах [31–41] и отсутствующий у Шишкова, и не перевел довольно много фрагментов во второй половине «Слова...», для которых у Шишкова перевод имелся.

Пропуски в Я довольно очевидно идеологически мотивированы. Язвицкий охотно переводит восхваления русских князей, но оставляет без внимания отступления, описывающие тяжелые последствия поражений, какими они предстают во фрагментах [103–110]. Кроме того, он избавляется от вставных историй про старых князей, не принимавших непосредственного участия в событиях, связанных с походом Игоря. Так, пропущены сюжетные линии Всеслава Полоцкого [153–156] и юного Ростислава [197–199].

Все сказанное не без оснований указывает на вторичность $\mathcal{A}$, однако нельзя не отметить и частные случаи проявления оригинального художественного мышления переводчика.

Текст перевода оказывается встроен в предуведомление таким образом, что грамматическая конструкция, начатая в предложении предисловия,

⁶ По словам самого переводчика, это сокращенный опыт. Язвицкий якобы собирался опубликовать полный текст, который, по его словам, уже готов (не сохранился), «естьли сіе сокращеніе благосклонно будеть принято». Однако и опубликованный текст, как будет видно из дальнейшего, демонстрирует хорошо прочитываемую авторскую интенцию в части того, что именно переведено, а что оставлено без перевода.

оказывается завершена уже в стихотворной строке Я. Такой синкретичный стихопрозаический способ представления перевода, очевидно, указывает на особое положение «Слова...» в литературных спорах эпохи, на которых в своей статье подробно останавливается Альтшуллер.

В [13] Язвицкий конструирует совершенно оригинальное температурное противопоставление холодной воды из Дона и жара сражения русских и половцев, вкладывая эту антитезу в уста Игоря: «Иль изъ Дону воду хладну пить, / Послъ жаркаго сраженія».

В [47] можно обнаружить своеобразную трактовку известной формулы: «Руская Земля и Воинство! / Ты теперь не подъ Шеломенемь». Больше никто из переводчиков не использовал здесь предлога «под», указывающего на защищенность русских войск «шеломом» своей земли.

Очень исторически и политически актуальной для 1812 года выглядит явная ошибка переводчика, где слова о движении Всеслава отнесены к вражеским войскам: «Врагь течетъ ужъ къ граду Кіеву / Будто дикій, ярый, тощій звѣрь» [157].

Итак, фигурировавшее до сих пор в авторитетной научной литературе представление, что главным источником для $\mathcal A$ является $\mathcal U$, следует решительно отвергнуть. Перечисленные текстуальные совпадения не оставляют сомнений в том, что $\mathcal C$ был Язвицкому знаком, а странная забывчивость переводчика, не назвавшего среди предшественников именно Сирякова, чей текст послужил основой переложения 1812 года, создает неблагоприятное впечатление намеренного неупоминания при недобросовестном цитировании исходного текста. Скорее всего, и хорей с дактилическими окончаниями избран Язвицким под непосредственным влиянием Сирякова. В то же время можно предположить, что Язвицкий не считал плагиатом такое обращение с чужим словом, а воспринимал текст в духе средневекового подхода всеобщей принадлежности, предполагающей неограниченную рецитацию без ссылок. Что касается $\mathcal U$, то он оказал на $\mathcal A$ минимальное влияние, исчерпывающееся несколькими предложениями в финале текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Альтшуллер М. Г. «"Слово о полку Игореве" в кругу "Беседы любителей русского слова"». Лихачев Д. С. (ред.). *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 26. Ленинград: Наука, 1971: 109–122.
- Палицын 1807 Игорь, героическая песнь. С древней славянской песни, писанной в XII веке, преложил стихами Александр Палицын. Харьков: Университетская типография, 1807.
- Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Ленинград: Наука, 1980.
- Савельева Н. В. «Язвицкий Николай Иванович». Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах. Т. 5: Слово Даниила Заточника Я. Дополнения. Карты. Указатели. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995: 276—277.
- Сиряков 1803 Поход Игоря протису половцов, перевод в стихах русского склада. [Перевод И. Сирякова.] Санкт-Петербург, 1803.

- Шишков 1805 «Примечания на древнее сочинение, называемое Ироическая песнь о походе на половцев или Слово о полку Игоревом». [Перевод А. С. Шишкова.] Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею. Ч. 1. Санкт-Петербург: Императорская типография, 1805: 23–234.
- Язвицкий 1812 «Игорь Святославич. Ироическая песнь». [Перевод Н. И. Язвицкого.] Чтение в Беседе любителей российской словесности 6 (1812): 32–54.
- Grégoire Henri, Jakobson Roman, Szeftel Marc, Joffe J. A. (eds.). La Geste du Prince Igor': Épopée russe du douzième siècle. New York: Rausen, 1948.

Борис Орехов

ПРЕВОД "СЛОВА О ИГОРОВОМ ПОХОДУ" Н. И. ЈАЗВИЦКОГ: ГЕНЕТИЧКЕ ВЕЗЕ И СТИЛСКЕ КАРАКТЕРИСТИКЕ

Резиме

У чланку се анализира један од првих превода "Слова о Игоровом походу", преводиоца Н. И. Јазвицког. На основу многобројних текстуалних поклапања, показано је да се Јазвицки приликом превођења доста ослањао на мало познати препев И. И. Сирјакова, од кога је преузимао неке делове (у складу с распрострањеним мишљењем у истраживачкој традицији, главни извор превода Јазвицког представља превод А. С. Шишкова). На крају је показано да без обзира на значајни број позајмљених делова, у анализираном преводу ипак се примећују и оригинални ауторски фрагменти.

Къучне речи: "Слово о Игоровом походу", Н. И. Јазвицки, И. И. Сирјаков, А. С. Шишков, превод.